

грамматической системе русского языка (*брѣ́га, ро́кан, бѣ́ксы, вѣ́тты* и др.), некоторые лексемы получили оформление по русским словообразовательным моделям (*рошѣ́ак, рунтѣ́вка, рошкѣ́рка, по-но́рски*).

О.В. Мищенко
Уральский университет

Из этимологий дендрологических терминов Русского Севера

Толша, товша

Зафиксированная на Русском Севере лексема *толша (товша)* представлена следующей парадигмой значений: 'твердое, сухое место, сухой, возможно, заросший, остров на болоте', 'лесной массив, прилегающий к болоту', 'прибрежный хороший лес, обычно на высоком берегу; покрытый лесом высокий берег реки', 'хороший строевой лес на сухом месте' [ЛК ТЭ].

Обращает на себя внимание значение 'покрытый лесом высокий берег реки'. Проведенный идеографический анализ лексики говоров Русского Севера, относящейся к лесной сфере, показал, что названное значение репрезентируется небольшим набором лексем, в отличие, например, от семантики 'лес на возвышенности', представленной целым рядом синонимов. Помимо анализируемой лексемы, значение 'лес на высоком берегу' зафиксировано из исконных лишь у лексемы *матера (материк)* и у нескольких заимствований: *едома, кенда, согра*.

Сама по себе семантика 'высокий берег' широко представлена в славянских языках и, как было показано Н.И.Толстым, часто реализуется через соотношение 'возвышенность' ↔ 'берег реки', являющее собой «сложную» семему с двумя релевантными компонентами¹.

Названное соотношение связано с регулярным в славянских языках соотношением 'лес' ↔ 'возвышенность' ↔ 'берег'². При этом первая корреляция образует «сложную» семему 'лес на возвышенности', вторая – 'возвышенность, высокий берег', поэтому представленное соотношение должно реализовываться либо как 'лес на возвышенности' – 'берег', либо как 'лес' – 'возвышенность, высокий берег реки'. Поскольку значения 'высокий берег' и 'лес на возвышенности' формируются путем сочетания семантики 'возвышенность' с одним из двух дополнительных компонентов, то развитие значений может пойти либо в сторону 'леса', либо в сторону 'берега', сочетание же компонентов в значение 'лес на высоком берегу' оказывается нетипичным.

¹ Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. М., 1969. С. 88–98, 100.

² Там же. С. 100.

Так, Н.И.Толстой, анализируя соотношение 'возвышенность' ↔ 'берег', приводит ряд «сложных» семем с таким значением: *bergъ, *byrdo, *gora, *kręžъ и др., но ни для одной из них не фиксируется значения 'лес на высоком берегу'¹. Например, семантика слова *gora расходуется, как известно, следующим образом: значение 'лес' отмечено на юге славянского ареала и в некоторых западных регионах. У восточных славян фиксируется семантика 'гора', а на северной территории также и 'высокий берег реки; берег реки'².

На исследуемой территории наблюдается точно такая же ситуация: при наличии *gora* 'высокий берег', естественно, отсутствует *gora* 'лес'; лексемы, репрезентирующие идеограмму 'лес на возвышенности', не разбивают значений 'высокий берег реки' (за исключением лексем *крѣжъ* и *материкъ*, о чем см. далее); у лексемы *крѣжъ* (*крѣжс*) на рассматриваемой территории отмечается как значение 'берег', так и значение 'лес на возвышенности', однако, помимо расхождения компонентов по значениям, сами значения расходятся по ареалам: *крѣжъ* (*крѣжс*) 'возвышенность, крутой, обрывистый берег' (запад региона – Бел, Выт, Карг, Кир, Нянд, Он, Плес, Шенк; северо-восток Архангельской области – Леш, Мез, Пин) и *крѣжъ* (*крѣжс*) 'возвышенность, поросшая лесом' (юг Архангельской области – Вель, В-Т, К-Б, Уст, Шенк).

Думается, что наличие в значении анализируемой лексемы *толиша* (*товша*) компонентов 'высокий берег' и 'лес' одновременно в качестве релевантных связано с семантическими отношениями иного характера.

В ходе идеографического анализа выявилось, что семантической парадигмой, близкой к парадигме рассматриваемой лексемы обладает рус. сев. *матера* (*материкъ*), ср.: 'суша, берег в противопоставление воде', 'высокий лесной массив, прилегающий к болоту; лес на возвышенности', 'высокий берег реки', 'хороший лес на берегу', 'лес с мощными, крепкими деревьями', 'большой, сосновый лес'.

Соотнесение значений лексем *толиша* (*товша*) и *матера* (*материкъ*) между собой позволяет предполагать в обоих случаях первичность семантики 'суша, сухое место в противопоставление воде'. Отсюда, с одной стороны, – 'высокий берег реки' → 'хороший лес на берегу' (так как берег высокий), а с другой, – 'сухой участок, возвышенность' → 'лес на возвышенности'. Подчеркнем, что в результате перехода 'высокий берег' → 'хороший лес на берегу' образуется «сложная» семема, сочетающая компоненты 'лес' и 'берег', точно так же, как это происходит в случае 'лес на возвышенности'.

---

¹ Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. С. 88–98.

² Там же. С. 73.

Проведенные семантические построения дают возможность предположить родство лексемы *толша (товша)* с широко распространенной в Архангельской области лексемой *толстик* 'высокий берег реки' [Даль 4, 712], 'сухое место на болоте, обычно покрытое мхом', 'хороший строевой лес на сухом месте' [ЛК ТЭ]. При такой точке зрения первичным вариантом лексемы следует считать единично зафиксированный в ЛК ТЭ вариант *толща*; появление и преобладание вариантов *толша* и *товша* объясняется характерной для говоров Русского Севера переработкой мягких шипящих в твердые и особым характером л в позиции перед согласными¹.

Отмеченное ранее для лексем *толша (товша)* и *матера (материк)* значение 'хороший строевой лес' могло стать результатом развития обеих приведенных ранее семантических цепей либо появилось как самостоятельное образование на базе представлений, связанных с характером деревьев: мощные, толстые. Ср. в этой связи ♦ *толстый лес* 'хороший строевой лес с мощными деревьями' [ЛК ТЭ].

Показательна как схожесть семантического пространства обеих лексем, так и схожесть их инвариантной семантики: ср. синонимичность пар *матёрый, матереть* и *толстый, толстеть*. Возможно, в основе первичной номинации в обоих случаях лежит однотипный признак синкретичного характера, связанный с древними представлениями.

Подтверждение подобной точки зрения отчасти обнаруживается и в топонимическом материале. Так, А.К. Матвеев указывает, что «гор и мысов с наименованием *Толстик* у русских очень много, особенно на Русском Севере и на Урале»². Хотя в данном случае нельзя полностью исключить и метафорическое происхождение оронимов (ср. сев. *толстик* 'толстый человек' [ЛК ТЭ], а также явно образные названия гор *Толстая* и *Толстуха*), однако наличие на территории распространения оронима соответствующего географического термина, появление которого трудно объяснить метафорическим переносом, все же свидетельствует в пользу предложенной этимологической версии.

На соседней территории, примыкающей к юго-востоку к ареалу бытования лексемы *толша (товша)*, зафиксированы слова *затолишь, затошина, затошь, затышь* 'глухое, отдаленное место, захолустье', *затошной* 'отдаленный, глухой, пустынный'; 'темный, забитый (о народе)' (Бел, Вож, Кад, Кир, Череп) [ЛК ТЭ], происхождение которых становится понятным с учетом отмеченного в говорах Русского Севера семантического соотношения 'дремучий лес, труднопроходимое, глу-

¹ Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 1989. С. 60, 67.

² Матвеев А.К. Вершины каменного пояса. Челябинск, 1990. С. 176.

³ Там же. С. 169, 176.

хое, отдаленное место в лесу' – 'захолустье, периферия', ср.: *забея*, *залески* 'труднопроходимое, глухое место в лесу' и 'захолустье, периферия'; *о к небу дыра* (*о в небо дыра*) 'о высоком, дремучем лесе' и 'захолустье, отдаленное от центра место'; *зачеяга*, *затеяга* 'труднопроходимые заросли мелкого леса, кустарника' и 'глухое, отдаленное место, *захолустье*', глухомятина, глушинник 'густой, дремучий лес' и *глухомятина* 'глушь, провинция, поселения, расположенные далеко от центра', *заглушь* 'глухое место, глушь, захолустье' [ЛК ТЭ]; *сузём* 'дальний, глухой, дремучий лес' и 'отдаленный, находящийся за лесом поселок' [Куликовский, 65]. При этом переход *толиа* > *затошина*, *затошь*, *затошной* сопровождается упрощением группы согласных.

Жаровый

Для лексемы *жаровый*, обозначающей как 'строевой лес', так и 'сухостой', исследователями предлагались различные варианты этимологических решений: А. Преображенский связывает его предположительно с корнем *жар-* в значении 'сухоподстойные, дающие жаркое пламя' [Преображенский 1, 221], М. Фасмер отвергает эту этимологию, считая также маловероятным и сопоставление А. Потемни с лат. *garš* 'длинный' [Фасмер 1, 411].

Такие этимологические разногласия связаны с различной постановкой смысловых акцентов при подаче значений лексемы: в значении 'строевой' актуализируются разные компоненты либо внешнего характера (высокий, гладкоствольный), либо функциональные, либо внутреннее строение дерева. Ср.:

жарина, *жарник*, *жаровина* 'строевой лес' [ЛК ТЭ]; *жарина* 'мелкослойное хвойное дерево' [СРНГ 9, 78]; *жаровой* 'высокий, прямоствольный, с ветвями только на вершине, строевой (о лесе, деревьях)' [ЛК ТЭ]; *жароватый* 'крепкий (о дереве)' [СРНГ 9, 82]; *жаровой* 'мелкослойный (о лесе)' [СРНГ 9, 83]; *жаровой* (*жаровый*, *жаровчатый*) 'высокоствольный, прямой, с ветвями только на вершине (о лесе, деревьях), *о жаровый лес* 'высокий, прямой, строевой лес, густо, часто растущий', *жаровый* 'сосновый (лес)', *жаровый* 'растущий на сухом месте (лес)' [СРНГ 9, 83];

жарина 'сухое сосновое дерево, дающее особенно сильный жар'; 'сухое дерево, годное на дрова' [СРНГ 9, 78]; *жариночка* 'сухая сосна' [СРНГ 9, 78]; *жарняк* 'сухой сосновый лес, дрова из которого дают много жару'; 'дрова хорошего качества, дающие много жару, тепла' [СРНГ 9, 82]; *жаровой* 'дающий много жара при горении (о лесе, дровах)' [СРНГ 9, 83];

жарник (*жарняк*) 'сухие вершины деревьев' [СРНГ 9, 81–82]; *жарняк* (*жирняк*), *жарины*, *жаровник* 'сухой, засыхающий лес на боло-

те', *поджарый* 'плохой, мелкий, редкий (о лесе, обычно на болоте)' [ЛК ТЭ].

В.А. Меркулова, этимологизируя лексему, считает первичной семантику 'высокий, прямоствольный', указывая, что такое значение имеет очень широкий ареал распространения: оно фиксируется в говорах Архангельской, Пермской, бывш. Олонецкой, Вятской, Казанской, Саратовской областей и в говорах Сибири. Исследовательница отмечает также наличие значений, развивающих семантику 'высокий, стройный', но не относящихся к «древесной» теме¹. Ср. значения такого рода, представленные в СРНГ: *жаравый* 'высокий, стройный' (например, по отношению к человеку) [СРНГ 9, 74]; *жаровый* 'длинный, продолговатый, прямой (о предмете)'; 'высокий, стройный, сухоощавый, поджарый (о людях и животных)' [СРНГ 9, 84]; *жаровчатый* 'высокий, стройный' [СРНГ 9, 84].

В результате этимологического анализа В.А. Меркулова предположительно восстанавливает древнерусское прилагательное *жаровъ, -а, -о 'высокий, прямой', которое возводит к и.-е. корню **gher-* 'выдаваться, выступать, расти, зеленеть', предполагая развитие значений: 'расти' > 'быть высоким, стройным'. Значение 'сухое дерево, сухой лес' предполагается вторичным².

Однако обращает на себя внимание тот факт, что одной из наиболее характерных корреляций лексем со значением 'строевой лес' является корреляция 'сердцевина дерева; хорошая, сухая древесина' ↔ 'строевой лес', ср.: *гаревой, рудовой (рудник), сердцевой, строжовый, сукменный* 'строевой лес' – *гарина, рудь, сердце, стрежь, сухмань* 'сердцевина дерева; сухие слои древесины' [ЛК ТЭ]. Это соотношение дополняется корреляцией 'строевой лес' – 'сухостой', репрезентирующей следующим образом: *горище* 'сухостой' – *гаревой* 'хорошего качества (о лесе)'; *жарняк, жаровник* 'сухостой' – *жарина, жарник, жаровина, жаровый* 'строевой лес'; *рудник, рудняк* 'сухостой' – *рудовой* 'строевой (о лесе)'; *сукмень* 'сухостой' – *сукменный* 'хороший, строевой (о лесе)'; *шаринник* 'сухостой' – *шаровый* 'хороший, строевой (о лесе)', *шарина* 'крепкая сосна, строевое дерево' [ЛК ТЭ]. Названная корреляция репрезентируется также и заимствованиями: *гардажный (карданный, кордачный)* 'строевой' – *кордяшина* 'сухостойное дерево'; *конга, конда (кондовый)* 'строевой лес' – *конда (коножник)* 'высохшее на корню дерево'.

Рассмотренные соотношения указывают на осознание такого объекта, как строевой лес, через его внутреннее строение и свойства древеси-

¹ Меркулова В.А. Слав. **žab-*; праслав. *žarovejъ 'высокий, прямой' // Этимология 1963. М., 1963. С. 78–80.

² Там же. С. 80.

ны. Сердцевина дерева состоит обычно из сухой и крепкой древесины, в отличие от заболони, сырой и более подверженной различного рода повреждениям. Поэтому более крепкие, т.е. строевые, деревья как раз те, ствол которых имеет много сердцевинных, околядерных слоев и узкую заболонь. Иначе говоря, строевой лес – это лес с сухой древесиной. Поскольку сухостой – это засохший, т.е. тоже сухой, без заболони, с отпавшей корой лес, становится возможной указанная выше корреляция.

Учитывая регулярность рассмотренного соотношения ‘сухостой’ – ‘строевой лес’, можно считать справедливой этимологию А. Преображенского, связывающего лексему *жаровый* с корнем *жар-*. Наличие данного соотношения указывает на отражение в семантике лексемы внутреннего строения дерева, характера древесины. Если предполагать, что изначальная семантика содержала указание на сухую древесину дерева, то как значение ‘строевой лес, крепкий, сухой’, так и значение ‘сухостой’ оказываются легко объяснимыми. В качестве семантических параллелей выступают лексемы *гарёвый, рудовый, сукменный*. Этимология поддерживается также номинативной моделью, связывающей сухую древесину с ее способностью хорошо гореть, ср.: *банник, горшце* ‘сухостой’ [ЛК ТЭ].

Значения типа ‘высокий, прямоствольный’ можно объяснить следующим сдвигом семантики с внутренней характеристики объекта на внешнюю. Это связано, с одной стороны, с денотативной общностью; большие массивы хороших хвойных лесов часто представляют собой «корабельную» сосну; с другой стороны, высокий, прямой, гладкий ствол, так же как и сухая древесина, является важной характеристикой строевого леса, на что указывает наличие ряда лексем со значением ‘строевой лес’, во внутренней форме которых запечатлены внешние свойства объекта: *вытяжник, верхотина, хлыст* при *хлыст* ‘очищенный от сучьев ствол поваленного дерева с вершиной, с верхушкой’ [Даль 4, 520], ‘ствол дерева’, ‘высокое, стройное дерево’, ‘дерево без сучьев’ [ЛК ТЭ].

Что касается значений – характеристик человека – ‘высокий, стройный, сухощавый’ и т.п., то в них можно видеть как вторичные значения лексем, так и самостоятельное развитие семантики, ср., например, *жарить* ‘сушить’ [СРНГ 9, 78], *жареный* ‘очень худой, тощий (о человеке)’ [СРНГ 9, 77], при наличии *сухощавый, сухопарый, сухой* ‘худой, худощавый’ [МАС 4, 311–312]. Распространенность модели ‘дерево’ – ‘человек’ объясняет притяжение лексем друг к другу (или возможное вторичное значение). Значение ‘длинный, прямой’, а возможно, и сам сдвиг семантики с внутренней характеристики дерева на внешнюю можно объяснить влиянием широко распространенных *жаравец (жаро-*

вец, жаравок) ‘длинный шест у колодца, колодезный журавль’; ‘рычаг для подъема тяжестей’; жаравить ‘поднимать рычагом’; ‘вытаскивать воду из колодца с помощью рычага-журавля’ и т.п. [СРНГ 9, 72–73], этимологически родственных лексеме журавль [Черных 1, 308].

Связь жаровой, жарняк и пр. с жар- кажется более убедительной, поскольку не требует восстановления незафиксированных лексем; отметим также, что у слов с семантикой ‘строевой лес’, закрепляющей внешние параметры объекта (вытяжник, хлыст), перехода ‘строевое дерево’ → ‘сухое дерево’ не наблюдалось.

Можно предложить еще одну этимологическую версию, идущую также в русле корреляции ‘строевой лес’ – ‘сухостой’ и отражающую внутреннее строение дерева: признаком номинации может выступать не только способность к горению, но и цвет древесины. Ср. в этой связи *рудовой лес*, *сосна* ‘красная сосна, лучший, самый прочный, растущий по краям лес: заболони мало, слои частые, древесина плотная, в отрубе красноватая, без бели и синевы’ [Даль 4, 108], где номинация дана по цвету, ср. *рудый* ‘рыжий, бурый, темно-красный и т.п.’ [Даль 4, 108]. Подобное толкование отмечается и для жаровой: *ожаровая сосна* ‘то же, что рудовая, кондовая, с мелкослойной, смолистой, желто-красной, крепкой и прочной древесиной, с тонким слоем заболони’ [СРНГ 9, 83] при наличии жаровый ‘ярко-красного, огненного или оранжевого цвета’ [СРНГ 9, 83], жаркий ‘то же’ [СРНГ 9, 80] с широким ареалом распространения. Вряд ли можно точно определить, какой признак номинации лег в основу слова, скорее, следует предполагать его синкретичность.

В заключение необходимо остановиться на особенностях формообразования: формы с основой на -ов- (жаровый) тяготеют к семантике ‘строевой, высокий лес’, в то время как ‘сухой лес, сухостой’ чаще представлен образованиями типа жарник, жарняк и т.п., что и позволило В.А.Меркуловой говорить о др.-рус. *жаровъ, -а, -о ‘высокий’, вынося остальные образования за пределы рассматриваемого гнезда. Однако модель с подобным удлинением основы – обычное явление для рассматриваемой группы, ср.: *боровой* (~ бор), *гарёвый* (~ гарь, гарина), *рудовой* (~ рудь, рудина), *сердцовый* (~ сердце), *стрезховый* (~ стрезжь), *шаровый* (~ шарина), при этом для значения ‘сухостой’ модель меняется: *гарёвый*, *рудовый*, *шаровый* и т.п. ‘строевой (лес)’ – *горище*, *рудник*, *шаринник* ‘сухостой’. Таким образом, формальный аспект не препятствует рассмотренным этимологическим версиям.

Корд́ажный (гард́ажный)

На территории Русского Севера отмечена лексема корд́ажный с семантикой, аналогичной рассмотренному ранее диал. жаровый, ср.: корд́ажный (гард́ажный, кард́ачный, корд́анный) ‘строевой, крепкий

(о дереве, лесе)' (Вож, Выт) и *кордяшина* 'высохшее на корню дерево' (Вож) [ЛК ТЭ], причем при обычных в полевых материалах толкованиях 'хороший, строевой, крепкий' встречается описательный контекст, акцентирующий внимание и на внешних признаках дерева: «*гардажное дерево – одна маковка, а ствол гладкий*». Авторы «Материалов для «Словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера» интерпретируют лексему именно с опорой на внешние признаки денотата, приводя следующие прибалтийско-финские соответствия: вепс. *korttuž* 'высота', *kortte*, *korŋe* 'высотой, вышиной со что-либо', родственные фин. *korkea* 'высокий'¹. Однако учет рассмотренного ранее регулярного соответствия 'строевой лес' – 'сухостой', проще всего объясняющегося восприятием объекта через его внутренние свойства, позволяет дать иное этимологическое объяснение лексеме: < приб.-фин., ср. вепс. *kardanj kuz* 'крепкая смолистая ель с тонким слоем заболони' [СВЯ, 180], ю.-вепс. *kardanj* 'ель с очень крепкой древесиной, которую трудно расколоть' (по мнению авторов SSA, предположительно входящее в этимологическое гнездо фин. *karanko*, *karanka* 'высохшее на корню молодое дерево (ель); сухой сук', с которым связано рус. сев. *кареньга* 'кривое, суковатое дерево, коряга'; 'вывороченное с корнем дерево'; 'кривоствольный лес с буреломом, труднопроходимые заросли обычно на заболоченном участке' и др.) [SSA, 310].

Появление в первом слоге заимствованного слова гласного *о* на месте приб.-фин. *a* можно объяснить своеобразной гиперкоррекцией, связанной с колебаниями *a / o* в безударном положении. Подобные колебания возникают в севернорусских говорах под влиянием аканья русского литературного языка. На возможность передачи приб.-фин. *k* рус. *г* указывает Й. Калима, ср. рус. *гажла* 'водяное растение' < ливв. *kažlu* 'камыш, тростник' [Kalima, 34]. Вариативность согласных второго слога (*н / ж / ч*) объясняется различиями в переработке консонантной группы перед русским суффиксом.

Велі́на (вельті́на)

На Русском Севере зафиксирована лексема *велі́на* (*велеті́на*, *вельті́на*, *вилі́на*, *вялі́на* и др.) 'засыхающее на корню, но не засохшее до конца дерево (лес)'. В плане семантики обращает на себя внимание компонент 'не до конца засохший', формирующий собственное семантическое пространство лексемы и выводящий ее за пределы функционирующего на названной территории обширного синонимичного ряда со значением 'сухостой' (*банник*, *горище*, *жаровник*, *подсох*, *преснина*,

¹Кабинина Н.В., Матвеев А.К., Теуш О.А. Материалы для «Словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера». Екатеринбург, 1999. С. 248.

пятиушник, рудник, сохра, сошняк, сухар, сухопостой, хонгач, хоровняжник, шаринник и др.), ср.: «велена – это когда лес еще стоит, несколько сучков зеленых, а остальные уже сухие»; «вельчина – ну дак она не совсем еще суха, иголки посохли, к примеру, но не опали»; «велина не порато сухая сосна, из неё дранки для корзин»; «вялка – она не сырая, не сухая стоит». Именно по признаку ‘не засохший до конца’ велина противопоставляется хонге: «сруби велетину, пока не хонга»; «велина только подвяла, а хонга совсем сухая»; «у ветлины еще кора осталась, а у хонги ничего нет». Ареал бытования лексемы *велі́на* (и вариантов) достаточно большой – центр и северо-восток Архангельской области и север Вологодской (Вель, Вож, Кир, Кон, Леш, Мез, Нянд, Пин, Плес, Тарн, Холм, Шенк). Описанный ареал включается в ареал лексемы *хонга*. Таким образом, на всей территории бытования *велі́на* оказывается членом оппозиции ‘не до конца засохший лес/дерево’ (*велі́на*) – ‘сухой лес/дерево’ (*хонга*). Отметим, что при наличии большого синонимического ряда для обозначения сухостя данные ЛК ТЭ не обнаруживают ни одного синонима рассматриваемой лексемы, т.е. *велі́на* (*вельті́на*) фиксируется в качестве единственного репрезентанта идеограммы ‘засыхающий, но еще не засохший лес’.

При трудности определения точных этимологических соответствий обнаруживается ряд аргументов в пользу заимствованного происхождения лексемы.

1. С первого взгляда напрашивается соотнесение лексемы с корнем *вять*, *вялый*, что вполне обосновано семантически, однако связано с формальными трудностями: наличием вариантов с согласным *т* в корне (*вельті́на*) и вокализмом первого слога. Основными и наиболее частотными вариантами лексемы на всей территории ее функционирования являются варианты с гласным *е* в первом слоге: *велі́на*, *вельті́на*; варианты с гласным *’а* единичны. Такое их распределение вряд ли можно объяснить лишь характерной для ряда говоров модификацией фонемы *а*, поскольку на рассматриваемой территории сохранение звука *’а* в безударном положении и в позиции между мягкими согласными – явление вполне возможное¹, поэтому вариантов с гласным *’а* следует ожидать не меньшее количество, чем с *е*.

2. Ареалом бытования лексемы оказывается северная территория (Арх, Влг), то есть зона контактов с финно-уграми. Помимо названной территории, только на Среднем Урале отмечена лексема *велуга* ‘дерево, начавшее сохнуть на корню’ [СРГСУ 1, 69], что не препятствует версии о заимствованном происхождении лексемы.

¹ Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999. С. 402–403.

3. В говорах Русского Севера фонетические варианты *велина/вельтина* образуют замкнутые коррелирующие ареалы: территория бытования вариантов с группой согласных *л'т* (*велетина, вельтина, вельчина, вильтенник*) – северо-восток Архангельской области (Леш, Мез, Пин, С-Двин, Холм); вариантов с согласным *л* (*велена, велина, велица, вилина, вялка*) – центр и юг Архангельской и север Вологодской областей (Вель, Вож, Кир, Кон, Нянд, Плес, Тарн, Шенк).

4. Семантическим аргументом в пользу заимствованного происхождения лексемы является отсутствие исконных слов с таким же значением.

Перечисленные аргументы позволяют предполагать заимствованный характер как лексемы, так и понятия, репрезентантом которого она является. Следовательно, реальной оказывается задача поиска финно-угорского этимона. Одна из таких возможностей – связать слово с финскими лексемами, семантика которых не соответствует напрямую предполагаемому заимствованию, однако является аналогичной рус. *вять, вялый*: ~ фин. *veltto, veltti, velttana* ‘вялый, дряблый, расслабленный, неустойчивый, неподтянутый’ [SKES, 1694]; фин. *vellostua* ‘становиться вялым, расслабляться, лишаться энергии’; *vellostunut lihas* ‘вялая, дряблая мышца’; *vellostuneet lehdet* ‘вялые листья’ [ФРС, 723], а также с родственными лексемами с иным вариантом корня: фин. *velo* ‘небрежный, нерасторопный, вялый, дряблый, расслабленный’ и др.; ливв. *velata* ‘сделать напрасно, плохо’ [SKES, 1690]. Вариативность корней соответствует зафиксированной в северных русских говорах корреляции *велт-* (*велет-*) // *вел-*. Варианты заимствования с гласным *'а* в первом слоге могут объясняться семантической аттракцией к рус. *вялый*.

Лакуна, которую дает исконный материал на месте идеограммы ‘засыхающий, но еще не засохший лес’, вполне объяснима, если учесть, что связанная с сухостоем исконная идеограмма имеет вид ‘сухостой, плохой, кривой, чахлый, засыхающий лес’, т.е. семантика засыхающего леса включается для исконных лексем в семантику сухостоя, ср. дефиниции для названий сухостоя, представленные в полевых материалах: *жаровник* ‘сухостой’, *жарняк* ‘сухой лес; высыхающий лес’, *жарины, жаровник* ‘плохой лес на болоте’; *преслина, преснина* ‘редкий лес на болоте, сухостой’ (ср. также *преснина* ‘молодой нестройной лес, растущий на плохих, часто болотистых почвах’); *рудник* ‘небольшой сосновый лес на болоте (высохший лес и чахлый лесок)’, *рудняк* ‘засохший сосновый лес на болоте’; *сухарушки* ‘плохой лес, сухостой, растущий на болоте’, *сухлявый* ‘сухой, чахлый, кривоствольный лес’, *сухопостой* ‘засыхающий на корню лес, сухостой’. Объединение этих компонентов в значениях исконных лексем вполне оправданно, поскольку согласует-

ся с реальной картиной жизни объекта – где-то засыхающего, где-то уже сухого участка леса.

Малдовый

Для лексемы *малдовый* 'нестроевой, редкослойный, с широким слоем заболони (о дереве, лесе)' (Он) предполагается прибалтийско-финское происхождение, ср.: карел. твер. *maldo* 'древесина с рыхлой, толстой структурой'; *maldo puw* 'дерево с рыхлой древесиной' [СКЯ–Пунжина, 155]; ср. также фин. *malto* 'мягкий'; 'ствол дерева'; 'тишь; участок реки со спокойным течением'; *maltorauta* 'мягкое железо'; *malittua* 'смягчаться, делаться мягким; утихать'; карел. *maldo* 'тихо текущая вода'; *malto* 'мягкий (о железе)'; ливв. *maldo* 'тихое, без течения место в реке', *maldoraudi* 'чугун в противопоставлении стали'; люд. *maln*, *maldo* 'тихий, неподвижный (о воде, ветре)'; 'мягкий' [SKES, 331]. Форма русского слова указывает на то, что заимствование связано с карельскими диалектами. В плане семантики сравнение с финскими данными и данными тверских диалектов карельского языка позволяет восстановить незафиксированные для остальных диалектов значения и объяснить появление слова на Русском Севере; следует учитывать и тот факт, что один из основных признаков нестроевой, редкослойной древесины – ее мягкость, по этому признаку нестроевое дерево противопоставляется строевому.

Вакора

Лексема *вакора* (с вариантами *вакористый*, *вакорник*, *вакорь* и др.) 'коряга, кривое, суковатое или вывороченное дерево'; 'труднопроходимые заросли кривоствольного, суковатого леса'; 'бурелом, валежник' [ЛК ТЭ; СРНГ 4, 18] фиксируется только на северной территории. Ареал функционирования лексемы позволяет предположить для нее заимствованное происхождение. Ср. фин. *vekara*, *vekkara* 'косо растущее дерево или ветвь, сук'; *vekara* 'большой, кривой, изогнутый предмет с крюком на конце, например, большой удильный крючок; деревянная палка с крюком на конце'; *vekari* 'рукоятка'; *vekarit* 'большие рога животного'; карел. ливв. *vegara* 'сверло' [SKES, 1688]. Одно из возможных объяснений вокализма первого слога связывает заимствование с особым субстратным языком: ср. известную корреляцию субстратного *a* ~ приб.-фин. *e*¹. Вокализм второго слога может быть объяснен явной контаминацией лексемы в процессе функционирования с рус. *корень*, *коряга*.

¹ Матвеев А.К. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1970. С. 337.